

Алистер Маклин

ЗОЛОТОЕ
РАНДЕВУ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 15

Alistair MacLean
THE GOLDEN RENDEZVOUS
First published in Great Britain by Collins 1962
Copyright © HarperCollinsPublishers 1962
FEAR IS THE KEY
First published in Great Britain by Collins 1961
Copyright © HarperCollinsPublishers 1961
SAN ANDREAS
First published in Great Britain by Collins 1984
Copyright © HarperCollinsPublishers 1984
THE WAY TO DUSTY DEATH
First published in Great Britain by Collins 1984
Copyright © HarperCollinsPublishers 1984
Alistair MacLean asserts the moral right to be identified
as the author of these works
All rights reserved

Перевод с английского
Татьяны Савушкиной, Елены Копосовой, Елены Гуляевой,
Михаила Загота, Андрея Лещинского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

© Т. А. Савушкина, перевод, 2025
© Е. А. Копосова, перевод, 2025
© Е. В. Гуляева, перевод, 2006
© М. А. Загот, А. Б. Лещинский, перевод, 1990
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25749-8

ЗОЛОТОЕ РАНДЕВУ

ГЛАВА 1

Вторник, полдень — 17:00

Моя рубашка потеряла должный вид и превратилась в бесформенную, липкую, пропитавшуюся потом тряпку. Раскаленный металл палубы жег ноги. Ноющий под козырьком лоб тугим кожаным обручем стягивала форменная белая фуражка, обещая оставить меня сегодня без скальпа. Глаза резал нестерпимый блеск солнечных лучей, отражавшихся от металла, воды и беленых зданий порта. Горло терзала неумолимая жажда. Я был крайне несчастен.

Несчастливым был я. Несчастливым был экипаж. Несчастливыми были пассажиры. Несчастливым был также капитан Буллен, и это последнее обстоятельство делало меня несчастным вдвойне, поскольку, когда дела шли наперекосяк, капитан Буллен имел привычку вымещать свое недовольство на старшем помощнике. А его старшим помощником был я.

Опершись на леерное ограждение, я под скрипучий аккомпанемент тросов и дерева следил за тем, как тяжеловесная грузовая стрела с трудом поднимает с причала особенно крупный контейнер, как вдруг почувствовал прикосновение к руке. Опять капитана Буллена принесло, мрачно подумал я, но тут же сообразил, что уж чем-чем, а любовью к «Шанель номер пять» капитан Буллен никогда не отличался. Должно быть, пожаловала мисс Бересфорд.

Так оно и оказалось. Аромат «Шанели», белое шелковое платье и та лукавая, смешливая улыбка, что сводила с ума едва ли не весь командный состав, но меня лишь раздражала. Я не лишен слабостей, но высокие, рассудительные и утонченные молодые дамочки с несколько язвительным чувством юмора, которым палец в рот не клади, к ним не относятся.

— Добрый день, мистер старший помощник, — проворковала она. У нее был нежный мелодичный голос, в котором едва проскальзывал намек то ли на высокомерие, то ли на снисходительность,

когда она разговаривала с чернью вроде меня. — А мы все гадали, куда вы запропастились. Вы же обычно не пропускаете предобеденные коктейли.

— Виноват, мисс Бересфорд. Приношу свои извинения. — Не сказать чтобы дамочка ошибалась: вот только она не знала, что на предобеденные коктейли с пассажирами я хожу едва ли не под дулом пистолета. По внутреннему регламенту нашей компании развлечение пассажиров входит в обязанности командного состава в той же мере, что и управление судном, а поскольку капитан Буллен ненавидел всех своих пассажиров лютой, смертельной ненавистью, он делал все, чтобы переложить их развлечение на мои плечи. Я кивнул на огромный контейнер, зависший над люком пятого трюма, а затем на гору таких же на причале. — Боюсь, отлучиться не выйдет. Тут работы еще часа на четыре, а то и на все пять. Даже обед придется пропустить, не говоря уже о коктейлях.

— Никаких «мисс Бересфорд». Просто Сьюзен. — Похоже, почти все мои слова пролетели мимо ее ушей. — Сколько мне еще вас просить?

Пока не доберемся до Нью-Йорка, подумал я про себя. Впрочем, и тогда ничего не изменится. Вслух же с улыбкой сказал:

— Не нужно ставить меня в трудное положение. По уставу мы должны относиться ко всем нашим пассажирам с учтивостью, внимательностью и уважением.

— Вы безнадежны! — рассмеялась она. Я был слишком мелкой сошкой, чтобы хоть сколько-нибудь уязвить раздутое самодовольство, скрывавшееся за улыбками этой дамочки. — Да еще и без обеда остались, бедолага. Иду мимо, а вы тут стоите весь такой угрюмый. — Она скользнула взглядом по лебедчику, потом по матросам, вручную отводившим подвешенный груз на предназначенное для него место в трюме. — Ваши люди тоже не сказать что в восторге от перспективы остаться голодными. Вон какие хмурые.

Я мельком глянул на своих подчиненных. Вид у них и правда был самый что ни на есть хмурый.

— Не беспокойтесь. Будет перерыв — поедят. Просто ребятам сейчас несладко приходится. Там внизу, в трюме, градусов за сорок, а по неписаному правилу в тропиках белые в самый солнцепек не работают. И потом, они еще не отошли от понесенных убытков. Не забывайте, не прошло и трех дней с инцидента на ямайской таможне.

Да уж, инцидента: таможенники одним махом конфисковали у примерно сорока членов экипажа тысяч двадцать пять сигарет

и двести с лишним бутылок крепкого алкоголя, которые полагалось оформить как судовые запасы до входа в воды Ямайки. То, что алкоголь должным образом оформлен не был, вполне объяснимо: команде строго-настрого запретили хранить у себя спиртное. Ну а то, что и сигареты оказались неучтенными, было связано с планами команды — по обыкновению, тайно — пронести выпивку с куревом на берег, чтобы неплохо подзаработать, толкнув их местным. Ямайцы готовы дорого платить за такую роскошь, как беспрошленный американский бурбон и сигареты. Вот только команда и подумать не могла, что впервые за пять лет своего хождения в Вест-Индию пароход «Кампари» подвергнется обыску столь тщательному и обстоятельному, что после него на всем судне от носа до кормы не останется ни одного не обшаренного уголка. То был поистине черный день.

Впрочем, и сегодняшний не лучше. Мисс Бересфорд как раз утешительно похлопывала меня по руке, бормоча напоследок слова сочувствия, слабо сочетавшиеся с насмешливым блеском ее глаз, когда я заметил, что у начала трапа, ведущего с основной палубы, застыл капитан Буллен. От него буквально разило недовольством. Спустившись по трапу и приблизившись к мисс Бересфорд, капитан героическим усилием изобразил на лице некое подобие улыбки и даже ухитрился удерживать его целых две секунды, но, оставив женщину за спиной, тут же вернул себе свой прежний недовольный вид. Человеку, облаченному с ног до головы в ослепительно-белое, крайне непросто создать своим приближением ощущение надвигающейся грозовой тучи, но капитану Буллину это удавалось без малейших усилий. Он был крупным мужчиной, шести футов двух дюймов ростом, необычайно плотного телосложения, с соломенно-желтыми волосами и бровями, гладко выбритым красным лицом, которое не брал никакой загар, и ясными голубыми глазами, которые не смог бы затуманить и галлон виски. Капитан скользнул равнодушно-неприятным взглядом по причалу, трюму, потом перевел его на меня.

— Ну что, мистер, — тяжело уронил он. — Как тут у вас дела? Смотрю, взяли мисс Бересфорд в помощницы. — В дурном расположении духа он неизменно обращался ко мне «мистер», в нейтральном «стар», ну а в хорошем, что, сказать по чести, бывало почти всегда, не иначе как «Джонни, мой мальчик». Сегодня меня назвали «мистером», исходя из чего я подобрался и сделал вид, будто не понял завуалированного упрека в пустой трате времени. Завтра

капитан сменит свой тон на грубовато-извинительный. Как уже делал не раз.

— Не слишком плохо, сэр. Небольшая заминка на берегу. — Я кивнул на группу мужчин, отчаянно пытавшихся зацепить стропами контейнер футов восемнадцать в длину, футов шесть в высоту и столько же в ширину. — Похоже, докеры Каррацио не привыкли иметь дело с таким грузом.

Капитан пригляделся повнимательней.

— Эти безрукие и с тачкой бы не сладили, — наконец бросил он. — Ладно, мистер, к шести управитесь? — В пять прилив достигнет высшей точки. Если не сможем пройти отмель у входа в гавань по высокой воде, придется проторчать здесь еще десять часов.

— Думаю, да, сэр, — ответил я и, чтобы отвлечь его от грустных размышлений и движимый любопытством, спросил: — Что в этих контейнерах? Автомобили?

— Автомобили? Вы не рехнулись ли, часом?! — Взгляд его холодных голубых глаз скользнул по нагромождению беленых домиков и темной зелени лесистых холмов, вздымавшихся за ними. — Да в этой дыре и клетку для кроликов на экспорт сделать не могут, не то что автомобиль. Оборудование. Это судя по накладным. Динамо-машины, генераторы, холодильники, кондиционеры и очистная аппаратура. Пункт назначения — Нью-Йорк.

— Вы хотите сказать, — осторожно начал я, — что генералиссимус демонтирует и продает американцам оборудование с сахарных производств, которые некогда благополучно реквизировал у тех же самых американцев? Это же неприкрытое воровство!

— Воровство — это мелкая кража, совершенная одним человеком, — мрачно проговорил капитан Буллен. — Крупная кража, совершенная правительством, называется экономикой.

— Неужели генералиссимус и его правительство так отчаянно нуждаются в средствах?

— Сами-то как думаете? — проворчал Буллен. — Никто не знает, сколько людей погибло в результате голодных бунтов, вспыхнувших во вторник в столице и еще в десятке городов. По оценке ямайских властей, количество жертв исчисляется сотнями. После того как они вышвырнули из страны большинство иностранцев, позакрывали или изъяли в пользу государства почти все иностранные предприятия, о получении доходов из-за границы можно забыть. В закромах революции хоть шаром покати. Простой народ бедствует.

Буллен отвернулся и уставился неподвижным взглядом на гавань. Его широко расставленные ручищи лежали на поручне ограждения. Спина была неестественно прямой. Хорошо знакомая мне поза. Да и как иначе: все-таки я с ним три года прослужил. Капитана распирало, хотелось выпустить пар, и лучшей, более испытанной и надежной отдушины для этого, чем старший помощник Картер, у него не было. Вот только гордость никогда не позволяла ему самому завести нужный разговор. Догадаться, что его беспокоит, большого труда не составляло. Я не заставил себя ждать и непринужденно поинтересовался:

— Сэр, а что с теми радиограммами, которые мы отправили в Лондон? Ответ пришел?

— Десять минут назад. — Он не спеша повернулся, как будто уже успел об этом забыть, но его выдавало побагровевшее лицо, да и в голосе явственно слышалось напряжение. — Они дали мне по рукам, мистер, вот что они сделали. Дали по рукам. Моя родная компания. И Министерство транспорта. Никто не поддержал. Сказали выкинуть все из головы, заявили, что мои возражения идут вразрез с имеющимися правилами, и предупредили о возможных последствиях отказа от сотрудничества с компетентными органами. Какими еще компетентными органами, черт их подери! И это они мне! Моя родная компания! Я тридцать пять лет прослужил на судах «Блу мейл», и вот теперь... теперь... — Его руки сжались в кулаки, а гнев стиснул горло, заставив капитана замолчать.

— Значит, кто-то хорошенько на них надавил, — пробормотал я.

— Так и есть, мистер, так и есть. — Холодные голубые глаза совсем заледенели, массивные кулаки разжались и снова сжались, крепко, до побелевших костяшек. Буллен был капитаном, но это еще не все: он был коммодором¹ флота «Блу мейл». Даже члены совета директоров в его присутствии не позволяли себе лишнего и уж точно не обращались с ним как с мальчишкой-посыльным. — Если я когда-нибудь все-таки доберусь до доктора Слингсби Кэралайна, — уже спокойнее продолжил он, — сверну шею этому говнюку.

Капитан Буллен мечтал добраться до доктора со странным именем Слингсби Кэралайн. Ту же мечту лелеяли десятки тысяч полицейских, правительственных агентов и американских военнослужащих,

---

¹ *Коммодор* — воинское звание офицерского состава военно-морских сил в различных странах; выше звания капитана первого ранга и ниже контр-адмирала. — *Здесь и далее примеч. ред.*

задействованных в его поисках. Как, впрочем, и миллионы обычных граждан, хотя бы по той веской причине, что за сведения, ведущие к его поимке, полагалась награда в пятьдесят тысяч долларов. Однако интерес капитана Буллена и команды «Кампари» имел куда более личный характер: разыскиваемый субъект был главным виновником всех наших неприятностей.

Пропал доктор Слингсби Кэролайн в созвучном своему имени месте — штате Южная Каролина. Он работал в одном сверхсекретном правительственном научно-исследовательском центре по разработке вооружения, располагавшемся к югу от города Колумбии. Как выяснилось только на прошлой неделе, это учреждение занималось созданием малогабаритных ядерных боеприпасов для оснащения истребителей и мобильных ракетных установок, предназначенных для локального нанесения тактических ядерных ударов. В сравнении с уже созданными США и Россией пятимегатонными монстрами этот тип боезарядов представлялся сущим пустяком, поскольку не обладал и тысячной долей их мощности и был способен испепелить все вокруг в радиусе не более мили. Хотя тротиловый эквивалент в пять тысяч тонн тоже не шутка.

И вот в один прекрасный день, а точнее, ночь доктор Слингсби Кэролайн пропал. Так как он являлся директором упомянутого научно-исследовательского центра, дело уже приняло серьезный оборот, однако стало совсем скверным, когда оказалось, что исчезнувший прихватил с собой действующий прототип ядерного боеприпаса. Его явно застали врасплох два ночных охранника, которых он убил, воспользовавшись, по-видимому, оружием с глушителем, поскольку никто ничего не слышал и не заподозрил неладное. Доктор выехал через ворота центра около десяти часов вечера, сидя за рулем своего собственного синего «шевроле»-универсала: охранники, узнав и автомобиль, и своего начальника, имевшего привычку допоздна засиживаться на работе, пропустили его без лишних вопросов. Они стали последними, кто видел доктора Кэролайна и «Твистер» — так по неведомой причине назвали новое ядерное оружие. А вот синий «шевроле» нашли брошенным в окрестностях порта Саванны через девять с лишним часов после совершения преступления, но меньше чем через час после того, как подняли тревогу. Все-таки кое-кто в полиции недаром ест свой хлеб.

Нам же просто жутко не повезло: «Кампари» зашел в Саванну именно в тот день, когда все и случилось.

Не прошло и часа после обнаружения трупов охранников в научно-исследовательском центре, как все внутреннее и международ-

ное, воздушное и морское сообщение на юго-востоке США было приостановлено. С семи часов утра самолеты могли подниматься в воздух только после тщательного обыска борта, с этого же времени полиция останавливала и досматривала все до единого грузовики, пересекающие границу штата, и, уж конечно, ни одному судну крупнее весельной лодки не разрешался выход в море. К сожалению для властей и к несчастью для нас, пароход «Кампари» вышел из порта Саванны в шесть часов утра того самого дня. Судно по умолчанию стало номером один в списке мест, где мог скрываться беглый преступник.

Первый вызов по радио поступил в восемь тридцать утра. Не мог бы капитан Буллен немедленно вернуться в Саванну? Капитан, человек прямой, спросил, за каким чертом ему это делать. Было сказано, что вернуться необходимо безотлагательно. Капитан отказался до оглашения убедительного довода. Таковой ему представлен не был, и капитан Буллен подтвердил свой отказ вернуться. Переговоры зашли в тупик. Тогда за неимением другого выбора федеральные власти, принявшие бразды расследования от администрации штата, представили ему основные факты.

Капитан Буллен запросил подробности, в частности описание пропавшего ученого и снаряда, и заявил, что сам быстро проверит, нет ли его у них на борту. Спустя пятнадцать минут, несомненно потребовавшихся для получения разрешения на разглашение сверхсекретных сведений, запрошенные приметы были со скрипом переданы.

Между двумя пропажами обнаружилось любопытное сходство. В высоту и «Твистер», и доктор Кэролайн были точно 75 дюймов. Оба отличались стройностью форм — снаряд был всего одиннадцать дюймов в диаметре. Доктор весил 180 фунтов, «Твистер» — 275. Боезаряд был помещен в единый неразъемный корпус из гладкого анодированного алюминия, доктор — затянут в костюм-двойку из серого габардина. Головку снаряда покрывал обтекатель из серого пирокерама, голову доктора венчала шапка черных волос с приметной седой прядью на макушке.

Указания были следующие: доктора следовало опознать и задержать, «Твистер» — опознать и — это было подчеркнуто отдельно — ни в коем случае не трогать. Сам по себе снаряд особой опасности как будто не представлял, и на то, чтобы привести его в боевую готовность, потребовалось бы по меньшей мере десять минут и усилия одного из двух достаточно хорошо разбирающихся в его

устройстве специалистов. Однако никто не мог предсказать, как подействует неизбежная при перемещении тряска на тонкий механизм «Твистера».

Спустя три часа капитан Буллен смог с полной уверенностью доложить, что ни пропавшего ученого, ни ядерного оружия на борту нет. Назвать проведенный обыск основательным было бы явным преуменьшением: каждый квадратный фут от цепного ящика до румпельного отделения прочесывался по нескольку раз. Капитан Буллен радировал федеральным властям и выкинул произошедшее из головы.

А в Кингстоне нас ждал неприятный сюрприз. Не успели мы войти в гавань, как к нам пожаловала администрация порта с просьбой допустить на борт «Кампари» поисковую команду с американского эсминца, дрейфовавшего тут же. Команда эта, насчитывавшая человек сорок, уже выстроилась на палубе.

Где и простояла последующие четыре часа. Капитан Буллен парой простых, но доходчивых фраз, разнесшихся звучно и далеко над залитыми солнцем водами гавани Кингстона, сообщил портовой администрации, что коли Военно-морским силам США так угодно средь бела дня вторгнуться на судно британского торгового флота, находящееся в британской же гавани, то они вольны попробовать. И добавил, что ровно так же они вольны понести урон, как физический в виде ранений и литров пролитой крови, так и материальный в форме весьма солидных компенсаций, которые им придется выплатить в соответствии с решением международного суда по морскому праву вслед за обвинениями в нападении, пиратстве и акте вооруженной агрессии. Того самого суда, многозначительно добавил Буллен, что заседает не в Вашингтоне, округ Колумбия, а в голландской Гааге.

Это их изрядно охладило. Администрация ретировалась для переговоров с американцами. Как нам стало известно позднее, между Вашингтоном и Лондоном произошел обмен шифрованными радиogramмами. Капитан Буллен оставался непреклонен. Наши пассажиры, на девяносто процентов американцы, с энтузиазмом его подержали. Из штаб-квартиры компании и Министерства транспорта поступили распоряжения, требующие от капитана Буллена сотрудничества с ВМС США. Давление усиливалось. Буллен порвал радиogramмы и ухватился за предложение судового радиотехника провести давно запланированную проверку радиооборудования как за небом посланную благодать. Под этим предлогом он снял с де-

журства радистов и приказал старшине, несшему вахту у трапа, не принимать никаких сообщений.

Это безобразие растянулось на тридцать часов. А поскольку беда никогда не приходит одна, на следующее утро после нашего прибытия семейства Гаррисон и Кертис, находившиеся между собой в родстве и занимавшие две носовые блок-каюты на палубе А, получили ужасные известия о том, что кто-то из членов их семей погиб в автомобильной аварии, и в тот же день покинули судно. Над «Кампари» сгустились тучи.

Ближе к вечеру ситуацию удалось переломить благодаря капитану американского эсминца — тактичному, любезному и крайне смущенному командеру по фамилии Варси. Ему разрешили подняться на борт «Кампари», с неприветливым видом провели в салон капитана Буллена, где гость принял предложение выпить и в примирительно-уважительной манере представил выход из создавшегося затруднительного положения.

Что, если обыск проведут не его люди, а сотрудники британской таможни — в порядке исполнения своих прямых служебных обязанностей? А его подчиненные будут присутствовать при этом исключительно в качестве наблюдателей. Капитан Буллен сначала долго и сердито хмыкал и что-то невнятно бормотал, но в итоге согласился. Это предложение хоть как-то позволяло ему не только сохранить лицо и не уронить честь, но и разрешить ситуацию, ставшую теперь совершенно безвыходной, что он сам прекрасно осознавал. До завершения обыска власти Кингстона отказывали капитану в выдаче санитарного свидетельства, а без него нельзя было разгрузить шестьсот тонн доставленного продовольствия и оборудования. К тому же администрация порта могла окончательно осложнить нам жизнь, отказав еще и в выдаче разрешения на выход из порта.

И вот, кажется, из дому были выдернуты все до единого сотрудники ямайской таможни. Обыск начался в девять часов вечера и продолжался до двух часов ночи. Капитан Буллен мерно kloкoтaл от злости, разве что не изрыгая ядовитые пары, как вулкан перед извержением. Пассажиры тоже кипятились, отчасти из-за унижительных обысков, устроенных в их личных каютах, отчасти из-за невозможности до поздней ночи лечь спать. Однако сильней всех ярилась команда, поскольку на сей раз даже обычно вполне лояльно настроенные таможенники вынуждены были взять на заметку перевозку сотен бутылок спиртного и тысяч сигарет, обнаруженных во время обыска.

Ничего другого, конечно, отыскать не удалось. Извинения были принесены и пропущены мимо ушей. Получив санитарное свидетельство, мы приступили к разгрузке. Из Кингстона вышли уже поздней ночью. Все последующие сутки капитан Буллен размышлял над недавними событиями, после чего отправил две каблогранмы¹: одну в лондонскую штаб-квартиру компании, другую в Министерство транспорта. В них капитан выразил свое мнение об этих учреждениях. А теперь, судя по всему, они в ответ выразили свое мнение о нем. Я с легкостью мог понять его чувства к доктору Слингсби Кэрролайну, который к этому времени добрался уже, наверное, до Китая.

Пронзительный окрик резко вернул нас в настоящее и окружающую действительность. Один из двух цепных стропов, удерживающих здоровенный контейнер точно над люком номер четыре, неожиданно оторвался, и контейнер накренился, заставив затрястись от натуги тяжеловесную грузовую стрелу. По всей вероятности, сейчас контейнер должен был выскочить из второго стропа и грохнуться на дно трюма. Так бы оно и случилось, если бы не скорость реакции двух матросов, сообразивших повиснуть на угловом направляющем тросе, чтобы не дать контейнеру накрениться еще больше и соскользнуть вниз. Но удерживать такую громадину в столь ненадежном положении долго бы не получилось.

Контейнер вместе с вцепившимися в направляющий трос двумя мужчинами качнуло назад, в сторону борта. Я мельком увидел двух грузчиков внизу на причале — на их лицах застыл страх. Недавно установившаяся в стране демократическая власть провозгласила свободу и равенство всех своих граждан. За халатность подобного рода им, похоже, грозил расстрел, ничем иным безотчетный ужас в их глазах объяснить было нельзя. Контейнер качнуло обратно к люку. Я крикнул парням внизу, чтобы те отбежали, и одновременно подал сигнал к аварийному спуску груза. К счастью, лебедчик мог похвастаться не только внушительным опытом, но и отличной реакцией. Он поймал момент, когда бешено раскачивающийся контейнер оказался аккуратно над люком, и в нарушение всех правил безопасности лихо опустил его, затормозив за считанные секунды до того, как нижний угол контейнера должен был с треском грохнуться об пол. Я и глазом моргнуть не успел, как вся громада контейнера благополучно покоилась на дне трюма.

---

¹ *Каблогранма* — телеграмма, передаваемая по подводному кабелю.

Капитан Буллен выудил из кармана носовой платок, снял фуражку с золотым позументом и медленно протер взопревший под рыжеватыми волосами лоб, похоже продолжая вести с самим собой непростой диалог.

— Ну все, — наконец произнес он. — Нам крышка. Капитана Буллена сбросили со счетов. Экипаж смотрит зверем. Пассажиры злые как черти. Мы на два дня выбились из графика. Нас от киля до клотика обшарили американцы. Как паршивых контрабандистов. А может статься, мы такие и есть. От новых пассажиров ни слуху ни духу. К шести нужно выйти из гавани. А теперь еще эти недоумки пытаются пустить нас на дно. Такое выше человеческих сил, старший, точно выше. — Он водрузил фуражку на место. — Вроде у Шекспира имеется что-то на этот счет, а, старший?

— Вы про целое море бед, сэр?

— Да нет, другое. Хотя и это вполне подойдет. — Капитан вздохнул. — Пусть второй помощник вас сменил. Третий сейчас проверяет судовые запасы. Отправьте четвертого... хотя нет, только не этого пустомелю, лучше боцмана, он как раз по-испански не хуже местных шпарит, пусть проконтролирует все на причале. Начнут бухтеть — сразу сворачиваем погрузку. А нам с вами, старший, пора пообедать.

— Я сказал мисс Бересфорд, что не смогу...

— Если вы думаете, — сурово перебил меня капитан Буллен, — что я с самых закусок до кофе собираюсь слушать, как эти богатеи, позвякивая кошельками, плачутся о своей тяжелой доле, то вы, верно, спятили. Пообедаем у меня в каюте.

Так мы и поступили. Для «Кампари» поданные блюда были самыми обыкновенными, то есть такими, о которых мог мечтать даже самый пресыщенный гурман, и капитан Буллен впервые, хоть и по вполне понятным причинам, нарушил им же установленное правило, согласно которому во время обеда ни он, ни его помощники даже не притрагиваются к спиртному. К тому времени, как с едой было покончено, капитан снова почувствовал себя почти человеком и один раз даже назвал меня «Джонни, мой мальчик». Надолго его не хватит, но все равно приятно. Я с неохотой вышел наконец из кондиционированной прохлады капитанской каюты на палящее солнце и направился к четвертому трюму, чтобы сменить второго помощника.

Он широко мне улыбнулся. Томми Уилсон вообще всегда улыбался. Это был смуглый жилистый валлиец среднего роста с заразной ухмылкой и огромным непоколебимым жизнелюбием.

— Как дела? — поинтересовался я.

— Сами можете полюбоваться. — Он самодовольно махнул рукой в сторону нагромождения контейнеров на причале, которое со времени моего ухода уменьшилось на добрую треть. — Скорость и мастерство. Когда за дело берется Уилсон, пусть никто даже...

— Боцмана зовут Макдональд, а не Уилсон, — напомнил я.

— Так и есть! — засмеялся он и посмотрел вниз, где боцман, высокий, крепкий и надежный как скала уроженец Гебридских островов, эмоционально вразумлял бородатых грузчиков, и с восхищением покачал головой. — Вот бы понять, что он им там говорит.

— Это лишнее, — сухо сказал я. — Я приму вахту. А вас старик отправляет на берег.

— Правда? — просиял второй. За последние пару лет его посещения на берегу уже стали легендой. — Теперь никто не посмеет сказать, будто Уилсон пренебрег своим долгом. Двадцать минут на душ, бритье и приведение себя в надлежащий вид...

— Агентство располагается прямо за воротами дока, — перебил его я. — Можно сходить и так. Выясните, что стряслось с нашими новыми пассажирами, а то капитан начинает волноваться. Не появятся к пяти — отходим без них.

Уилсон ушел. Солнце начало клониться к закату, но жара не спадала. Благодаря профессионализму Макдональда и его безупречному владению нюансами разговорного испанского количество грузовых контейнеров на причале быстро и неуклонно уменьшалось. Вернувшийся Уилсон доложил, что о наших пассажирах ничего не слышно. Агент сам весь на нервах: «Это очень серьезные люди, сеньор, очень-очень серьезные. Один из них — самый важный человек во всей провинции Камафуэгос. На их поиски уже выехал джип. Он направился на запад по прибрежной дороге им навстречу. Всякое могло случиться, сеньор же понимает. Шину там спустило, или рессора полетела». Когда Уилсон невинно осведомился, не вина ли в том революционных властей, не имеющих средств на заделку огромных выбоин на дорогах, агент разволновался пуще прежнего и с негодованием заявил, что все дело в низкопробном металле, из которого эти шакалы-гринго делают свои машины. В итоге Уилсон остался под впечатлением, будто в Детройте име-

ется особая линия сборки заведомо некачественных автомобилей, предназначенных исключительно для этого уголка Карибов.

Уилсон удалился. Загрузка четвертого трюма шла своим чередом. Около четырех часов пополудни до меня донесся скрежет коробки передач и астматическое сипение по-видимому изрядно пожившего мотора. А вот и припозднившиеся пассажиры, подумал было я, но ошибся: из-за угла ворот дока с лязгом выкатился ветхий грузовичок, с кузова которого сошла почти вся краска, на изношенных покрышках кое-где белела парусина, а под снятым капотом с моего возвышения просматривалось нечто смахивающее на цельную глыбу ржавчины. Похоже, одно из тех творений Детройта особого назначения. В его растрескавшемся щелистом кузове находились три недавно сколоченных продолговатых ящика среднего размера, окантованных металлом.

Окутанный сизыми клубами из кашляющей выхлопной трубы, дрожа, как сломанный камертон, и дребезжа каждым болтом своей древней ходовой, грузовичок неуклюже проехал по булыжникам и остановился в трех шагах от Макдональда. Из проема, где у драндулета некогда имелась дверца, выскочил маленький человечек в белых парусиновых брюках и кепке, постоял пару секунд, заново привыкая к ощущению тверди под ногами, после чего поспешил к нашему трапу. Я узнал в нем нашего местного агента, того самого — с невысоким мнением о Детройте. Интересно, какие еще неприятности нам сулит его появление.

Гадать мне оставалось недолго. Ровно через три минуты на палубе появился капитан Буллен, следом за которым со встревоженным видом семенил агент. Голубые глаза капитана сверкали, и так красное лицо побагровело; он явно был на пределе, но пока сдерживался.

— Гробы, мистер, — сквозь зубы процедил он. — Гробы, вот так вот!

Полагаю, подобное начало беседы заслуживало быстрого и изящного продолжения, но я сразу не нашелся и потому вежливо переспросил:

— Гробы, сэръ?

— Гробы, мистер. Да не порожние. Для отправки в Нью-Йорк. — Он помахал какими-то бумагами. — Разрешения, накладные на погрузку, всё в полном порядке. Включая скрепленное печатью ходатайство самого посла. Три тела. Два подданных Великобритании и один американец. Погибли во время голодных бунтов.

— Команде это не понравится, сэр. Особенно стюардам с Гоа. Сами знаете, насколько они суеверны и как...

— Не извольте тревожиться, сеньор, — поспешно вмешался коротышка в белом. Уилсон был прав насчет нервозности агента, хотя к ней еще примешивалось странное беспокойство, граничащее с отчаянием. — Мы договорились, чтобы...

— Заткнись! — коротко бросил капитан Буллен. — Команде это знать ни к чему, мистер. Пассажирам тоже. — Было заметно, что о пассажирах он вспомнил в последнюю очередь. — Гробы помещены в ящики. Вон они, в грузовике.

— Так точно, сэр. Погибли во время бунтов. На прошлой неделе. — Я помолчал и осторожно продолжил: — На такой жаре...

— По его словам, они освинцованы. Так что их можно разместить в трюме. Куда-нибудь в угол, мистер. Один из... мм... усопших приходится родственником нашему новому пассажиру. Полагаю, не дело ставить гробы рядом с динамо-машинами. — Он тяжело вздохнул. — Мы теперь, помимо всего прочего, еще и в похоронный бизнес влезли. Дальше, старший, уже некуда.

— Так вы принимаете этот... груз, сэр?

— Ну конечно, а как же, — опять встрял коротышка. — Один из них приходится двоюродным братом сеньору Каррерасу, отплывающему с вами. Сеньору Мигелю Каррерасу. Сеньор Каррерас, как у вас говорят, убит горем. А сам сеньор Каррерас самый важный человек...

— Помолчи уже, — устало оборвал его капитан Буллен и демонстративно тряхнул бумагами. — Да, принимаю. Писулька от посла. Опять нажим. Хватит с меня этих нескончаемых радиogramм с того берега Атлантики. Сплошная нервотрепка. А я, старший, всего лишь бедный, побитый жизнью старик, просто побитый жизнью старик. — Он оперся на ограждение, усиленно, но без особого успеха изображая бедного, побитого жизнью старика, но почти сразу резко выпрямился: через ворота порта въехала и направилась к «Кампари» целая вереница автомобилей.

— Ставлю фунт против пенни, мистер, что к нам пожаловала очередная порция неприятностей.

— Хвала Господу, — прочувственно пробормотал агент-коротышка, преисполнившись благодарности. Хорошо хоть на колени не бухнулся. — Сам сеньор Каррерас! Вот наконец и ваши пассажиры, капитан!

— О чем я и говорил, — проворчал Буллен. — Новые неприятности.

Процессия, состоявшая из двух большущих довоенных «паккардов», один из которых тянул на буксире джип, как раз поравнялась с трапом, и из машин начали выбираться пассажиры. Правда, только те, кто был в силах, потому что один из них явно не мог проделать этого без посторонней помощи. Шофер, в зеленой полевой тропической форме и такой же широкополой панаме, открыл багажник своего автомобиля, достал оттуда складное кресло-коляску с ручным приводом и ловко, продемонстрировав недюжинный опыт, собрал ее за каких-нибудь десять секунд. Одновременно с этим второй шофер вместе с высокой худой медсестрой, одетой во все белое — от кокетливой накрахмаленной шапочки до длинной, по щиколотку, юбки, — бережно поднял с заднего сиденья соседнего «паккарда» скрюченного старика и аккуратно усадил его в коляску. Старик — даже с такого расстояния я мог разглядеть морщины, избородившие его лицо, и белоснежную, но по-прежнему густую шевелюру — изо всех сил старался им помочь, но проку от его стараний было немного.

Капитан Буллен посмотрел на меня. Я посмотрел на капитана Буллена. Сказать тут было вроде как нечего. Присутствие беспомощного инвалида на борту — головная боль для всей команды: от него одно беспокойство и судовому врачу, которому придется постоянно следить за его самочувствием, и каютным стюардам, которые должны у него убираться, и стюардам-официантам, которые должны обслуживать его в ресторане, и стюардам на палубе, которым будет поручено катать его на коляске. А когда инвалид еще и престарелый, а в придачу еще и очень слабого здоровья — сильно удивлюсь, если в данном случае я ошибся в своих предположениях, — так он еще и помереть может, не дотянув до ближайшей швартовки. Тут уж для моряка сквернее ничего не придумать. Да и пассажиров потом на такой круиз калачом не заманишь.

— Что ж, — тяжело вздохнул капитан Буллен, — полагаю, мне стоит пойти поприветствовать на борту наших припозднившихся гостей. Заканчивайте тут поскорее, мистер.

— Будет сделано, сэр.

Кивнув, Буллен удалился. Я наблюдал за тем, как шоферы просунули пару длинных шестов под сиденье инвалидного кресла, выпрямились и легко понесли его вверх по деревянным доскам трапа.

За ними проследовала высокая, угловатая медсестра, а за ней другая, одетая точно так же, как первая, но пониже ростом и покоренастей. Старик прибыл со своим собственным медицинским корпусом,

Маклин А.

М 15 Золотое рандеву : романы / Алистер Маклин ; пер. с англ. Т. Савушкиной, Е. Копосовой, Е. Гуляевой и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 864 с. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25749-8

Алистер Маклин (1922–1987) — британский писатель, автор 28 остро-сюжетных романов и приключенческих рассказов, сценарист. Его имя широко известно читателям всего мира. Книги Маклина разошлись тиражом более 150 миллионов экземпляров, по его романам, сценариям и сюжетам было снято 18 фильмов. В 1983 году Университет Глазго присвоил писателю степень доктора литературоведения.

Герои Маклина живут и побеждают по всему земному шару, «от коммунистической Венгрии и Мексиканского залива до Сингапура, юга Франции, Сан-Франциско, Нидерландов и Северного Ледовитого океана» (kirkusreviews.com).

Сборник открывается романом «Золотое рандеву». На борт роскошно-го круизного лайнера проникают террористы. Они быстро захватывают заложников, но среди офицеров команды находится человек, который практически в одиночку противостоит преступникам.

Неподалеку от Кубы сбит самолет, перевозивший секретный груз («Страх отпирает двери»). Вместе с экипажем погибает семья совладельца авиакомпании. Теперь им движет единственное желание — отомстить тому, кто виновен в катастрофе.

«Сан-Андреас», британское госпитальное судно, пересекающее норвежские воды под защитой Женевской конвенции, подвергается внезапной атаке врага. Опасная тайна превратила корабль в бесценную добычу...

Для автогонщика риск — это часть профессии («Пыль на трассе»). И если вам повезло уцелеть в жуткой аварии, не доискивайтесь до ее причин. Те, кто играет по-крупному, не любят слишком любопытных...

«Золотое рандеву» и «Страх отпирает двери» экранизированы в 1970-х годах. Эти романы выходят в новом переводе.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

АЛИСТЕР МАКЛИН
ЗОЛОТОЕ РАНДЕВУ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редакторы Алла Косакова, Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.06.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Иготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Печатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MPB-34724-01-R